

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ АРТ-ЯЗЫКА ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ

ECOLOGICAL AND FUTURISTIC DISCOURS OF THE ART-LANGUAGE OF THE SECOND MODERNITY

Э. А. УСОВСКАЯ

E. USOVSKAYA

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

elina-rain@mail.ru

В статье анализируются содержательные контексты дискурсов арт-языка второй модерности, под которой понимается культура первой половины XXI в. Среди одних из значимых являются экологический и футурологический, которые тесно связаны с концептами, проблемами и практиками телесности, духовности, мышления, деятельности, демократии, идентичности. Язык экологического дискурса ярко выражен в культурологии и философии транс- и постгуманизма, в арт-практиках многих художников, галерей и музеев. Футурологические концепты органичны проблематике экзистенциального характера, антиутопичности, с одной стороны, и оптимистичности – с другой.

Ключевые слова: культур; вторая модерность; экология; арт-практика; футурология; искусство.

The article analyzes the content contexts of the discourses of the art language of the second modernity, which is understood as the culture of the first half of the 21st century. Among some of the most significant are ecological and futurological, which are closely related to the concepts, problems and practices of corporality, spirituality, thinking, activity, democracy, identity. The language of ecological discourse is clearly expressed in cultural studies and the philosophy of trans- and post-humanism, in the art practices of many artists, galleries and museums. Futurological concepts are organic to the problems of an existential nature, dystopianism, on the one hand, and optimism, on the other.

Keywords: cultures; second modernity; ecologists; art practice; futurology; art.

Культура постмодерна инициировала создание новых социальных и культурных моделей, как и истории, художественных практик, альтернативных модерну, часть из которых оказалась способной интегрироваться в уже существующие ценностно-культурные, социальные, экономические модусы или, наоборот, подстроить их под себя. Это не значит, что новая, или вторая, модерность отвергла модернистские новации или вообще сам тип (типы) этой культуры, особенно позднего модернизма, но интерпретировала их по-своему, добавляя или отрицая уже сложившиеся концепты и способы их реализации. Поэтому сегодня мы встречаемся с целым веером возможностей арт-практики и теории с их духом релятивизма и свободы, а также со способностью современного искусства мгновенно реагировать на вызовы современной цивилизации и ее «болезни». Арт-активность сегодня выглядит как достаточно актуальный социальный ценностно окрашенный инструмент, наполненный рефлексией, мышлением. Это значит, что проблематика художественного пространства является проблематикой современного мира.

Однако, каков этот мир и его векторы развития, впрочем, как и само наименование периода, в котором располагается заявленная вторая модерность, сказать сложно. В целом, культура и общество уже в 1990-х, не говоря о 2000-х гг. вызывали и вызывают трудности в осмыслении и принятии. В частности, З. Бауман писал о радикальном отличии нового общества от всех предшествующих форм человеческого существования: «На [современной] стадии... мы вступили на территорию, которая никогда не была населена людьми, – на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни» [1, с. 316]. Непригодность объясняется полностью разбалансированным состоянием частных, личных интересов и потребностей общества. Тем не менее в социуме осуществляется диалог, но имеющий свою специфику, которую еще предстоит исследовать.

Можно сказать, что сложность мира, как и его «текучесть» рождает многомерность и неоднозначность самой художественной среды, искусства, дизайна, которые не могут не быть частью социально-культурного нарратива.

Среди тем, находящихся в поле зрения современного арт-дискурса, по-прежнему актуальное место занимает экологическая, социальная, гендерная, скорее, гендер-квир проблематика, темы мира и войны, свободы и дискриминации, постколониального сознания и мышления. В данной статье мы обратим внимание на двух проблемах – экологии

и прогнозировании, точнее, теме будущего. Эти два дискурса, как показывает реальность, не могут существовать сами по себе. Они переплетаются между собой, включая одновременно самые разные контексты, срезы, тенденции человеческой и общепланетарной жизни.

Экологическая проблематика, ставшая одной из любимых тем мировой современной художественной культуры, существенно расширила свой диапазон. Она уже представляет собой не только нарратив о загрязнении окружающей среды, призывает к раздельному сбору мусора и его утилизации и т. д., но и выражает глубокое понимание целостности, коэволюционности, «симпозисе» (термин Д. Харауэй) человеческой и природной жизни. Существование человечества и всей Земли видится как становление-с, то есть во взаимосвязи и переплетении, невозможности бытия одних существ без других: «Становление-с – это, как партнеры (в терминах Венсиан Дебре) наделяют друг друга способностями. Онтологически гетерогенные партнеры становятся теми, кто и что они есть в реляционном материально-семантическом мирении. Природы, культуры, субъекты и объекты не существуют прежде своих запутанных мирений» [2, с. xi].

Экологическая арт-активность является частью разного рода текстов – выставок, конференций, проектов, перформансов, которые нередко составляют общий текст. Так, выставки арт-объектов сопровождаются различными активностями, в том числе и научными дискуссиями, выступлениями специалистов во многих областях экологического дискурса. Сегодня большинство мировых компаний стремятся к сотрудничеству с экологами, а те, в свою очередь, активно взаимодействуют с арт- и дизайн-средой. Большой вклад в развитие программ экологического равновесия и охраны окружающей среды вносит созданная нидерландским графическим дизайнером Рихардом ван дер Лаконом международная платформа *What design can do?* («Что способен сделать дизайн?»), которая позволяет уже много лет проводить дискуссии, конкурсы и круглые столы. Эффективность сбережения природных ресурсов включает и удобство, доступность, эстетичность предметов потребления. Экология, искусство и потребности людей способны уживаться и дополнять друг друга.

Можно сказать, что большинство мировых галерей и музеев отреагировали на актуальность экологической проблематики как системного явления достаточно ярко и масштабно. Так, главный приз Венецианской биеннале – «Золотой лев» был вручен Литве за экологическую опе-

ру-спектакль «Солнце и море (Марина)», авторами которого стали художница и композитор Лина Лапелите, драматург Вайва Грайните и театральный режиссер Ругиле Барзджюкайте (2019 г.). Каждый из двадцати задействованных профессиональных певцов «рассказывал» собственные истории, сливающиеся в единый хор, о мире природы и человеке в нем: кто-то жаловался на Рождество без снега, у кого-то вызывало беспокойство обеднение флоры и фауны на Земле. Происходящий перформанс на пляже, где время и события текут безмятежно и ленно, стал метафорой бездейственности, нерешительности в реализации программ экологической безопасности.

Интерес представляет и масштабный выставочный проект «Грядущий мир: экология как новая политика. 2030–2100», представивший работы художников разных стран мира в Музее современного искусства «Гараж» в Москве (2019 г.). По сути, он был наполнен размышлениями о будущем человечества, оценить и предположить которое оказалось намного сложнее прогнозов Артура Кларка. Экспозиция отражала и ту степень неопределенности, с которой столкнулся мир второй модерности, его неоднозначность и непредсказуемость.

В деятельности знаменитой белорусской национальной галереи «Ў» экологический дискурс имел также немалое значение. Об этом, в частности, свидетельствует один из проектов «Островец культуры» (2017 г.), выполненный художниками из Беларуси, России, Польши и Чехии, и был посвящен строительству атомной станции. Экспозиция представляла собой фактически фантазию-путешествие, где блоки станции превращались в пространство музеев и галерей.

Тема увядания и исчезновения с лица земли живого маркируется в объектах японского художника Азума Макото. «Замороженные цветы» – проект, состоящий из 16 ледяных блоков с помещенными в них цветами, иллюстрирует эту угрозу. Испанский скульптор Исаак Кордал с присущей его работам иронией подчеркивает дистанцированность политиков от реальных шагов по решению проблемы глобального потепления в инсталляции «Политики обсуждают глобальное потепление»: они продолжили дискуссию и тогда, когда окружающее пространство города уже оказывалось под водой. Ему вторят работы аргентинского художника Педро Марцорати, в частности, «Там, где приливы и отливы» (лэнд-арт, парижский парке Монсури). Как предупреждение о всеобщей катастрофе выглядят едва выступающие на поверхности пруда синие головы людей.

Последние три года эко-арт, экологическая проблематика как социально-культурная и политическая реальность рассматриваются как системное явление и в связи с наступлением новой угрозы – пандемии *COVID*. Нельзя сказать, что человечество не переживало в недавнем прошлом масштабных катастроф пандемического плана – «чума» конца XX в., СПИД, стала серьезным вызовом для человечества. Но масштабность и глобальность ковида с новой силой напомнили о хрупкости существования людей, их зависимости от природы и от последствий собственной деятельности. В этой связи Роза Брайдогги отмечает: «Пандемия COVID-19 является техногенной катастрофой, вызванной чрезмерным вмешательством людей в экологический баланс и жизнь множества видов... Эмоциональный и социальный климат, в котором мы находимся, требует смирения и сотрудничества; он противостоит обобщениям и авторитарным антропоцентричным предписаниям» [3]. Пожалуй, осознание взаимосвязи между пандемией и экологией, потребительством и болезнями на какое-то время заняло центральное место в жизни стран и сообществ, продемонстрировало понимание единства мира и необходимость решения вопросов о физическом существовании человечества совместными усилиями.

I Триеннале «Концепт» (2021 г., Беларусь) Белорусского союза художников, охватившая самые разные темы и практики, во многом вторила названной проблематике, расширила экологический нарратив до социальных, ментальных и пандемических угроз. Примером может служить инсталляция Татьяны Маклецовой «Экзистенциальный кризис» (2019–2020), которая вовлекала зрителей в процесс психологической, экзистенциальной рефлексии, ставила вопрос об адаптации к условиям «новой» жизни в эпоху ковида. Безликие фигуры инсталляции в защитных одеждах стали символом общего состояния человека и человечества, поиска выхода из пандемического коллапса, сопровождающегося социальными, политическими и другими последствиями и ограничениями.

Ситуация зыбкости и неопределенности второй модерности подчеркивает важность и такой проблемы, как духовное здоровье личности и человечества в целом. Она выступает в синергии с экологическим здоровьем, сознанием и мышлением индивида. Здесь мы имеем в виду, конечно, этические ценности и нормы, основу которых составляют гуманистические ценности (не антропоцентристские), общечеловеческие демократические принципы. Однако категория здорового столь же размыта, как и сама эпоха нестабильности, и рождает полемику вокруг того,

что таковым считать или не считать. К тому же стремительное развитие дигитальных и иных технологий, потрясения цивилизации, вызванные терроризмом, войнами, в том числе и идущей сегодня в центре Европы, пандемиями, актуализирует проблему, что значит «быть здоровым». Этот тезис касается и духовного, психологического, и физического здоровья, а также неотъемлем от нравственных принципов и норм, относится к проблематике идентичности во всех ее проявлениях. Решение этих вопросов лежит в самых разных плоскостях – от целых культурантропологических направлений и доктрин до повседневной моды, эстетики моделей поведения, художественных текстов.

Постмодернистский тип культуры продолжил ревизию и интерпретацию гуманизма как парадигмы, ставящей человека над окружающим миром, поместив его в контекст становления-с, о чем мы писали выше. Новая модерность продолжает развивать этот концепт в различных нарративах, в том числе в постгуманизме и трансгуманизме. Обе эти доктрины дискуссионны и требуют дальнейшего уточнения. Если все же попытаться провести границу в сущностных отличиях между ними, то скорее всего, постгуманизм будет ориентироваться на внутреннее совершенствование человека, преобразование его сознания, в том числе направленного на экологичность и коэволюцию. При этом, данный концепт не придерживается классических антропоцентрических подходов, если под ними понимать доминирование человека над окружающим миром. Трансгуманизм с одной стороны, отвергает антропоцентристские основы гуманизма, с другой, наделяя человека исключительными возможностями в развитии собственных интеллектуальных способностей, совершенствовании тела, помещает человека в пространство техносферы, отрывая его от природы. Это приводит к феноменологическим трансформациям телесности, разума, гибридизации и киборгизации. Техногенные, дигитализационные и иные изменения явились, по-видимому, теми точками сингулярности, которые еще в конце XX в. породили веер последствий, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Теория и практические исследования человека в рамках трансгуманизма, исходя из анализа, в частности, деятельности Р. Курцвейла, осуществленного П. Н. Барышниковым, свидетельствуют о синтетическом и всеобъемлющем характере изменений человека в его родовом понимании и включают в том числе аболиционизм, демократический трансгуманизм, экстропионизм, иммортализм, техногайанизм и другие стратегии человеческого бытия и формы духовности [4, с. 102].

Полемика вокруг трансгуманизма и постгуманизма продолжается, включая «за» и «против», что нашло отражение в сборнике «Трансгуманизм и его критика», вышедшем в свет еще в 2011 г. [8]. Серьезную озабоченность рядом трансгуманистических идей, касающихся «улучшения» человека высказал и Фрэнсис Фукуяма: «Есть три основные категории возможных возражений: 1) основанные на религии; 2) основанные на утилитарных соображениях и 3) основанные на философских (за неимением лучшего термина) принципах» [5, с. 128–129]. Наиболее сложным оказался вопрос о правильности, этичности и необходимости вмешательства в человеческую, в том числе и сексуальную, природу. В этой связи американский ученый полагает, что существуют фундаментальные аргументы в сторону невмешательства в естественный порядок вещей, тем более, что необдуманная эксплуатация человеком экологических ресурсов уже привела к угрожающим последствиям и необходимо помнить, что «каждая экосистема есть взаимосвязанное целое, сложность которого мы зачастую недопонимаем» [5, с. 142]. В полной мере это относится и к человеку, который есть часть единой экосистемы.

Трансгуманистические идеи, как и реалии «киборгизации» человека находят свое выражение в разного рода медицинских и других трансформациях, вызванных как жизненной необходимостью, так и модой. Речь идет об эстетическом аспекте трансгуманизма, сближающегося в определенной степени с постгуманизмом и нашедшем воплощение в разных направлениях художественного (и не только) нарратива. Это, прежде всего, боди-арт, био-направление в *Net-art* и многие другие практики. Вопрос о том, на самом деле сближает ли это человека с природой, создавая причудливые образы полулюдей-полуживотных, мутантов, фантазийных героев, или является способом психологической адаптации, поиском неких альтернативных моделей поведения остается открытым.

Нередко телесные модификации рассматриваются как форма индивидуального освобождения, направленного против изначальной предзаданности человека как существа разумного, социального или природного, с одной стороны. С другой, и пожалуй, это главное, в качестве протеста, адресованного капитализму, посткапитализму, эксплуатации и т. д. В этой связи уместно привести соображение А. Негри и М. Хардта, которые писали: «Признание того, что человеческая природа никоим образом не отделена от природы в целом, что не существует строгих и необходимых границ между человеком и животным, человеком и машиной, мужчиной и женщиной и так далее; это признание того, что сама

природа является искусственной сферой, открытой всем новым мутациям, смешениям, гибридизациям» [6, с. 204]. Однако сложно представить, что именно с помощью пирсинга, шрамирования, татуажа, эстетических экспериментов можно прийти к подлинной свободе личности и общества. Скорее, данные практики являются ее имитацией, симулякром, но продуцирующим иной язык, в том числе, художественный.

Практический и эстетический трансгуманизм более чем рельефно отражается в исследованиях и работах дизайнера, искусствоведа Наташи Вита-Мор, основательницы проекта «*Primo Posthuman*», а также активностях, которые включают в себя лекции, семинары, перформансы, демонстрирующие, что время киборгов и высоких технологий уже наступило. Речь, в частности, идет о Петербургском «*Geek Picnic*» 2015 г., в котором были представлены музыкальные сеты, лекции ведущих искусствоведов, ученых, в частности, Наташи Вита-Мор ««Что дальше? Бионаука и спектр технологий регенеративной жизни», косплеи, визуальные медиапроекты и многое другое.

Однако, что вполне очевидно, художественный дискурс далеко не всегда соответствует или автоматически отражает некую тенденцию или доктрину. Его размышления подчас масштабнее, актуальнее и обладают так называемым опережающим характером, инициирующим острые вопросы и их решения. Так, образы телесности разворачиваются в плоскости отношений между людьми, гендерных связей, идентичностей, проблематизации глобальных вызовов. Здоровье, мораль, свобода, этика, война, убийство, тело, любовь – связаны между собой и представляют разные грани человеческой жизни.

Возможно поэтому в последние годы многие художники возвращаются к вечным темам, экзистенциальным по сути. Поиск природного, естественного начала между человеком и окружающим миром животных и растений, стихий, между мужчиной и женщиной, людьми как таковыми ощущается как фронтальная тема в фотоработах шведско-британского художника AdeY (*Striking minimalism photographs capture dances in the nude*, 2020). Перформативность, ирония, провокационность ряда проектов не мешают зрителям наслаждаться красотой человеческого тела без нарочито подчеркнутой сексуальности. AdeY, в частности, писал: «Создаваемые мной изображения никогда не носят сексуального характера. Они никогда не говорят о сексе и не вызывают сексуального подтекста. Они о равенстве, любви, связях, принятии и преодолении стигм, связанных с однополыми отношениями» [7].

Вопрос о будущем человека, природы и жизни продолжает оставаться самым значимым и фокусирует внимание на проблеме, каким будет человек и жизнь как таковая. Представления об этом собирают воедино и телесный, и экологический, и футурологический и другие нарративы.

Прогнозирование по-прежнему занимает первоочередные позиции в экономическом, социальном, художественном дискурсах, в целом, относятся к культурантропологическому, экзистенциальному корпусу мышления и деятельности. Оно варьируется от веры в светлое человеческое будущее с его цифровыми и космическими технологиями до антиутопических предсказаний, предупреждающих о возможных (и уже ставших реальностью) последствиях в виде глобального авторитаризма-тоталитаризма, резко выраженной социальной дифференциацией, дискриминацией и т. д.

Футуристический пафос «нового человека», киборга со всеми «за» и «против» хорошо иллюстрируется киберпанком и посткиберпанком – их культурфилософской, социально-политической и эстетической феноменологией. Из жанра научной фантастики они превратились во вполне фундаментальные рассуждения о будущем, антиутопическом по сути с последующими дискуссиями о судьбах планеты, человечества, виртуальности, цифровизации и т. д., дав искусству, культурным и иным исследованиям различные формы и направления рефлексии. Так, дизайн и скульптурные инсталляции британского художника Доминика Элвина порой выглядят как предупреждение о том, что «что-то может пойти не так» в развитии и облике человека будущего. Использование отходов информационной деятельности человека – жесткие диски, провода, вышедшие из употребления детали – подчеркивают искусственность, сконструированность индивида, превращающегося фактически в машину, механизм.

Безграничные возможности человека в освоении космического пространства, пафос открытий новых миров звучит в фэнтези и магическом реализме. Причудливые миры Джима Бёрнса, Тима Уайта, Роберт Маккола впечатляют своей многомерностью.

Наиболее яркое воплощение футурологический арт-дискурс получил в литературе и кинематографе. «Бегущий по лезвию бритвы» Ридли Скотта стал основой для многих постапокалиптических лент XXI в. и пролонгировал сюжеты и образы, тесно связанные с концептами потребления, симулякризации, техницизма, будущего. Не менее значимыми стали романы Нила Стивенсона «Лавина», «Алмазный век, или

букварь для благородных девиц», «Смешение» и другие, наполненные реминисценциями, отсылающими к уже имеющимся темам, штампам, романам, прошлому и будущему.

Пожалуй, сегодня не столь важным является, к какому направлению относятся «Матрица», «Особое мнение» или «Эквилибриум», «Книга Илая», «Голодные игры» и многие другие кинематографические нарративы, многочисленные романы или арт-объекты, сколько насыщенность культуры второй модерности жанрами и течениями, подтверждающими страхи и надежды людей о будущем.

Будущее в настоящий момент истории снова развернулось в точке самых «простых» проблем – физического существования тысяч и миллионов людей. Речь идет о фундаментальных правах человека на жизнь, которая вновь стала первоочередной для мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 2. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене; пер. с англ. А. Д. Писарева. Пермь : ГилеПресс, 2020.
3. Брайдотти Р. «Мы» здесь вместе, но мы не одно и то же [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://syg.ma/rozi-braidotti-my-zdies-vmiestie-no-mynie-odno-i-to-zhie>. Дата доступа: 12.01.2022.
4. Барышников П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1 (7). С. 98–127.
5. Blackford R., Bostrom, N. Transhumanism and its Critics. Philadelphia : Metanexus Institute, 2011.
6. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции; пер. с англ. М. Б. Левин. М. : АСТ; Люкс, 2004.
7. Хардт М. Негри. Империя. М. : Праксис, 2004.
8. Без цензуры: обнаженные фотографии AdeY, которые блокирует Instagram // Creative boom [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://creativeboom.ru/vdohnovenie/fotografiya/>. Дата доступа: 23.09.2021.